

А. В. Бузгалин

**Георгий Плеханов:
к проблеме реактуализации
и самокритики классического
марксизма***

Наследие Георгия Валентиновича Плеханова не случайно в последние сто лет получало весьма противоречивые истолкования. Не случайно, ибо, во-первых, оно удивительно органично совмещает в себе и последовательный социофилософский монизм, и философско-политический дуализм. Во-вторых, оно не могло не получать различного истолкования со стороны разных общественно-политических сил на протяжении чудовищных контрапунктов XX в.

Для В. И. Ульянова-Ленина и большевиков он был одновременно и классическим интерпретатором марк-

* В тексте использованы некоторые фрагменты статей автора из журнала «Альтернативы». Я счел это «самозаимствование» уместным и с содержательной точки зрения, и потому, что материалы малотиражного марксистского журнала крайне мало знакомы философской общественности современной России. К тому же эти фрагменты мной были существенно переработаны. И еще одна ремарка: обращение к творчеству Г. В. Плеханова в процессе работы над этим текстом стало для меня важным основанием для того, чтобы извиниться перед этим ученым за невнимание к его наследию в предшествующих работах автора.

сизма, и правым уклонистом (этот контрапункт справедливо подчеркивает в публикуемом в данной книге Г. Г. Водолазов, с размышлениями которого автор и далее будет вести заочный диалог).

Для сталинско-сусловской версии учебников по «диамату» и «истмату» было характерно упрощенное изложение в основном именно плехановской версии философии истории, но при этом без сколько-нибудь значимых упоминаний самого Г. В. Плеханова. Для критического советского марксизма 1960–1970-х гг. Плеханов был уже недостаточно диалектичен и тонок. Для западного марксизма второй половины XX в., ушедшего в своей значительной части в неопозитивизм и ныне постмодернизм, Плеханов просто «скушен» своей азбучной старомодностью. Для не-марксистов философское наследие Плеханова вообще *как бы* (здесь это словечко-паразит, симулирующее симулякр, более чем уместно) не существует. Хотя о марксизме — как априори неактуальном с их точки зрения феномене истории мысли — эти авторы иногда вспоминают.

На мой взгляд, все эти контрапункты, как уже было замечено, не случайны. Они обусловлены сутью этого наследия. Тем, что Плеханов (1) *последовательный марксист* и потому вызывает сугубо негативную реакцию у всех критиков этого течения; при этом он (2) марксист, взявший лишь *некоторые* положения марксова наследия и давший им в ряде случаев весьма (в частности, в вопросе о роли человека как творца истории и субъектного понимания практики и др.) ограниченную интерпретацию, и потому (3) закономерно пришедший к отрицанию социалистической перспективы Октябрьской революции, став своего рода «гуру» (причем, как правило, не упоминаемым*) всех ее последующих критиков.

И именно эти контрапункты мне хотелось бы сделать методологическим ключом последующего текста, посвятив его проблемам актуальности и критики как собственно классического марксизма, так и его плехановской интерпретации.

И начну я с классического положения марксизма о человеке как продукте и творце истории.

* Исключением в данном случае являются работы не только упомянутого выше Г. Г. Водолазова, но и М. И. Воейкова, не говоря уже об авторах-историках, специально пишущих о Г. В. Плеханове и его творчестве.

Роль личности в истории: Плеханов и современные контрапункты активизма

Начну с повторения аксиом, которые столь же стары, сколь и забыты. Для марксизма характерно: 1) историческое понимание человека как 2) персонифицированного «ансамбля всех общественных отношений», изменяющегося в соответствии с изменениями этих общественных отношений (отсюда различие доминирующих типов личности, их ценностей и мотивов в архаическом, азиатском, античном, феодальном, капиталистическом, советском обществах) и несущего на себе 3) печать их многосложности и противоречий (отсюда, в частности, различие интересов и ценностей представителей разных классов и социальных групп). Не менее важна, однако, и противоположная сторона: бытие человека как 4) творца истории, не только актера, но и автора драмы «всемирная история».

Начнем с последнего. Выше мы уже отметили, что Г. В. Плеханов в отличие от Маркса видел в человеке не столько автора драмы по имени «Всемирная история», сколько актера, чьими стараниями эта драма становится реальностью*.

Эта ограниченность Плеханова довольно ярко выявляется при сравнении его работ с творчеством и самого Маркса, и его последователей-шестидесятников. Мне же кажется правомерным еще более заострить проблему: противоречия э- и инволюции, про- и ре-гресса XX в.; зигзаги и попятные движения социального времени; расколы, дез- и интеграции социального пространства последнего столетия позволяют нам без дальнейшего обоснования утверждать, что *в основе драмы всемирно-исторического процесса эпохи «царства необходимости» лежит фундаментальное противоречие.*

Одна сторона этой противоположности — господство системы отношений социального отчуждения (прежде всего — отчуждающих от человека содержание туда производительных

* Г. В. Плеханов не случайно замечает, что человек «...не только служит орудием необходимости и не только не может не служить, но и *страстно хочет и не может не хотеть* служить. Это — *сторона свободы*, и притом свободы, выросшей из необходимости, т. е., вернее сказать, это — свобода, отождествившаяся с необходимостью, это — необходимость, преобразившаяся в свободу» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 307).

сил и отчуждающих от него продукты труда, общество, культуру производственных, политических, идеологических отношений). Они превращают человека в марионетку объективных сил — разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и государства...

Другая сторона этого противоречия — творчество (в том числе и прежде всего — новых форм общественной связи людей) как родовое свойство человека. Именно творческая деятельность *Общественного Человека* в материальном производстве, культуре, социальной жизни изменяет этот мир по законам Истины, Добра и Красоты, обеспечивая технический, научный и культурный прогресс, осуществление социальных революций и реформ, позволяющих преодолеть рабство и крепостничество, колониализм и ужасы дикого капитализма, а в дальнейшем и саму капиталистическую систему*...

Формулируя это противоречие, мы тем самым не только восстанавливаем и ре-аргументируем в полемике с постмодернизмом *классический марксистский критерий прогресса — свободное всестороннее развитие личности*, — но и показываем его актуальность. Этот критерий в современную эпоху становится не просто абстрактным социально-нравственным императивом, восходящим к Аристотелю и Канту, но и практически актуальным критерием экономико-социально-политических действий. В самом деле, переход к обществу, осно-

* Нельзя сказать, что Г. В. Плеханов не видит этого противоречия. Он подчеркивает и момент творческого начала освобождающегося человека, хотя и связывает его едва ли не исключительно с познанием законов необходимости, не акцентируя многовариантности протекания исторических процессов и действительной свободы социального творца как того, кто творит вопреки обстоятельствам, но в соответствии с логикой («красной нитью») всемирной истории. Приведу лишь один из комментариев Плеханова по этому поводу: «Пока личность не завоевала *этой* свободы мужественным усилием философской мысли, она еще не вполне принадлежит самой себе и своими собственными нравственными муками платит позорную дань противостоящей ей внешней необходимости. Но зато та же личность рождается для новой, полной, до тех пор ей неведомой жизни, едва только она свергнет с себя иго этого мучительного и постыдного стеснения, и ее *свободная* деятельность явится *сознательным и свободным* выражением *необходимости*. Тогда она становится великой общественной силой, и тогда уже ничто не может помешать ей и ничто не помешает» (Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 308).

ванному на превращении творческой деятельности в главный «фактор», «ресурс» (авторы нарочито используют здесь прагматично-экономическую терминологию) развития, аналогичный по своей роли земле в добуржуазных системах и машине в капиталистической, автоматически вызывает необходимость в развитии креативного потенциала человека как «сверхзадаче» общественного развития^{*}. Другое дело, что глобальная гегемония капитала загоняет эту тенденцию в узкий коридор «общества потребления» и «общества профессионалов», ведущий в конечном итоге в тупик глобальных проблем.

Реакцией на эту угрожающую человеку тупиковость глобальных проблем становится постмодернистское безразличие к проблеме прогресса, скрывающее не просто признание, но и пассивное подчинение человека институтам нынешней глобальной протоимперии, на откуп которой отдается право на навязывание своих критериев «прогресса» («цивилизованности») методами экономической, политической, идеологической и масс-культурной экспансии.

В отличие от постмодернистской апологии пассивности марксизм, особенно современный марксизм, подчеркивает *активно-созидательную роль Человека как творца общественных отношений*, способного на развертывание своих социально-творческих сил в период прогрессивных социальных реформ и революций (будь то Война за независимость в США или хрущевская оттепель в СССР). Однако современный марксизм, в отличие не только от догматических своих ответвлений, но даже и от плехановской версии, на первый план выносит проблему *границ активизма созидательно-творческой деятельности Человека и ответственности*

* В этой связи хотелось бы напомнить когда-то хорошо известное выражение Ленина на плехановский проект программы РСДРП, предложенный второму съезду партии еще в 1903 г.: «Неудачен и конец параграфа: “планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов”. Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать “за счет *всего общества*” (ибо это включает и планомерность, и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества» (Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 232).

пассивно-недеятельностного конформиста, способствующего застою и регрессу.

Опыт XX в., практические результаты научно-технического прогресса, равно как и стремлений социальных творцов ошастливить человечество показали всю противоречивость такого «активизма». И здесь умеренный пессимизм Г. В. Плеханова по поводу революционного энтузиазма и радикальности большевиков нельзя не принять во внимание как серьезный вызов и предвидение проблемы — проблемы вырождения активизма.

Но автор этих строк, будучи в данном случае «критиком критика», хотел бы подчеркнуть, что действительно существующие угрозы вырождения активизма свидетельствуют не о «вредности» социального творчества, а о его *противоречивости*.

Ныне принято указывать на жертвы технического и социального прогресса, и это вполне справедливо, но не будем забывать о второй стороне медали. И дело здесь не только в том, что без НТП мы не могли бы пользоваться массой ныне абсолютно необходимых благ, радикально сократив детскую смертность и увеличив в полтора раза среднюю продолжительность жизни. И даже не только в том, что именно благодаря социально-творческим интенциям профсоюзных активистов, экологов и деятелей левых партий хотя бы часть человечества сегодня знает, что такое 8-часовой рабочий день, бесплатное среднее образование и минимальная социальная защищенность. Дело прежде всего в том, что при ослаблении активности позитивного (а объективно обусловленный критерий прогресса уже был показан) социально-творческого начала силы отчуждения вызывают еще большие жертвы и преступления. *Искусственно заторможенные реформы и революции оборачиваются кровью жертв реакции, а культурно-творческие потери периодов «застоя» с их не-музыкальной (А. Блок) жизнью сотен миллионов вообще трудно измерить*. И это очень важно помнить всякому стороннику умеренности и критику революции, в том числе и иным из нынешних авторов, для которых даже Плеханов чрезмерно революционен.

Еще более важно помнить о том, что *в социальной жизни всегда присутствует «активизм» сил реакции, а не только слишком увлекающихся «прогрессоров»*. Еще двадцать лет назад эти слова выглядели бы как пропагандистское клише, но в начале нынешнего века, с его неокOLONиализмом, асимметричными войнами, мировым экономическим кризисом и

т. д., *активизм сил реакции* становится вполне конкретным понятием, за которым стоит экономико-политическая и идеолого-культурная гегемония глобального капитала и его Alter Ego — фундаментализм и терроризм.

Открыто выступающие ныне идеологи протоимперии почти всегда исповедуют методологию социального «безразличия» (ко всему, кроме собственных доходов и безопасности), но на практике не забывают навязывать всему миру свои однозначные представления о «добре» и «зле». Впрочем, это ситуация, типичная не только для последних лет: вспомним хотя бы Первую и Вторую мировые войны.

Вот почему перед современной социальной философией вновь встает вековой (как минимум) давности проблема поддержки или торможения сил, ориентированных на снятие гегемонии капитала (и в этом споре Плеханов и Ленин окажутся по одну сторону баррикад XXI в.), а если поддержки, то какими средствами и сколь радикально (а здесь Плеханов и Ленин будут уже разведены их сторонниками, решающими проблемы марксизма как практики в нынешнюю эпоху).

Если же вернуться к философским аспектам проблемы границ социально-творческого активизма, то окажется, что на предельно абстрактном уровне она решается так, что *социально-творческое воздействие общественного субъекта на историю возможно и необходимо в той мере, в какой оно содействует снятию отчуждения и прогрессу Человека*. Определение же этой меры — задача всякий раз конкретная, и решается она мучительно сложно и только реальными общественно-культурными силами, для которых стратегия невмешательства всегда оказывается злом потакания реакции, будь то мракобесие инквизиции, сталинский террор или отупляющая пропаганда стандартов общества потребления с его масс-культурой и философским безразличием к Человеку.

Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на *нелинейности общественного развития*, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов — контрреволюций и контрреформ. Такое попятное, *реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно для тех ситуаций, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосы-

лок) в своих попытках продвижения к новому обществу и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

Более того, как мы уже отметили выше, современный марксизм, особенно отечественный, показал, что *в развитии общественных систем наиболее продолжительными и значимыми, а вместе с тем и наиболее сложными для исследования являются не столько зрелые, развитые состояния, сколько длительные периоды трансформаций. Это процессы возникновения и отмирания исторически-конкретных систем, связанные с образованием широкого круга переходных отношений, противоречиями революционных и контрреволюционных, реформаторских и контрреформаторских процессов.* При этом данные переходы подчиняются некоторым специфическим закономерностям*. Для них, в частности, характерно нелинейное течение социального времени, мозаичность, фрагментированность социального пространства, более высокая, чем в стабильных системах, роль неэкономических параметров перехода, господство неформальных институтов и многое другое.

Особенности таких трансформационных процессов наиболее полно могут быть раскрыты на примере социально-экономических изменений в постсоветском пространстве. Здесь современная марксистская методология оказалась, на наш взгляд, наиболее адекватна в силу объективных особенностей трансформационных экономик и именно здесь отечественным постсоветским критическим марксизмом достигнуто наибольшее продвижение**. Не случайно и то, что наиболее

* Подробнее об этом см.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003.

** Не случайно даже ортодоксальные либералы, исследуя фундаментальные вопросы трансформаций, оказались вынуждены обращаться к некоторым аспектам марксистской методологии — проблемам исторических и логических границ экономических систем, диалектике производительных сил и производственных отношений, исследованию отношений собственности и т. п. Так, тезис неолибералов о том, что реальный социализм погиб, т. к. не смог справиться с новой волной технологических изменений, в точности (и даже несколько вульгарно) воспроизводит специально неоднократно подчеркивавшийся Плехановым классический марксистский тезис о том, что старая система производственных отношений сменяется качественно новой

интересные результаты в развитии социально-экономической теории оказались связаны с исследованиями именно позднего капитализма, его специфических черт и противоречий на стадии развития постиндустриальных тенденций и глобализации, где, как мы постарались показать, происходит самоотрицание собственных основ рынка и капитала. Причем это самоотрицание, как и в эпоху империализма XX в., происходит в рамках прежней системы и служит ее укреплению.

Всего этого, естественно, нельзя найти в работах Плеханова. Но в них можно найти последовательное требование диалектически рассматривать всякий общественный феномен, и мы, авторы названных выше гипотез, это требование впитали с рождения, что и позволило, встав на плечи гигантов, сделать еще несколько шагов вперед.

А теперь о едва ли не главной проблеме марксизма в XX и нынешнем веках: проблеме сохранения и развития капитализма столетия спустя после того, как Маркс и Энгельс, Плеханов и Ленин сформулировали вывод о том, что индустриальный капитализм есть система, противоречие производительных сил и производственных отношений которой требует ее смены новым общественным строем.

Маркс, Плеханов и современные проблемы пределов рынка, капитала и частной собственности

Рассуждать о реактуализации и критике плехановского наследия в области социальной философии, оставив в стороне проблему снятия капитализма, нельзя. При всей критике ленинского пути и близости к правому крылу современной ему социал-демократии Г. В. Плеханов был и оставался последовательным сторонником классического вывода Маркса о наличии пределов развития капиталистической общественной системы и ее будущем снятии новым общественным строем, о чем он прямо писал во многих своих работах, включая, в частности, «Социализм и анархизм».

тогда, когда она становится тормозом развития переросших ее производительных сил.

Начнем с того, что для марксистов (и здесь Плеханов последовательно воспроизводит идеи самого Маркса) не только капитализм, но и рынок — это *исторически ограниченная* система общественных отношений людей, а не некий «естественный» и вечный «механизм» взаимодействия агентов и обмена информацией в экономике. Маркс и вслед за ним Плеханов и Ленин (на примере России) показали, где, когда и почему рынок возник; где, когда и почему (вследствие развития общественного регулирования — «контроля ассоциированных производителей за общественным производством» — раз; прогресса всеобщего творческого труда, создающего общественные блага, — два; «подрыва рынка монополистическим капиталом — три...) он будет «подрывать», а в перспективе будет снят новой системой организации хозяйства.

Из этого, в частности, следует, что *человек не всегда был рациональным homo oeconomicus, не всегда стремился и не всегда будет стремиться прежде всего к максимизации денег и минимизации труда*. Вне рыночной системы, при господстве других общественных отношений человек вел и может вести себя иначе. А вот в условиях господства рынка и капитала действительно человеческие качества, ценности, мотивы, как правило, начинают подчиняться власти товаров и денег. Есть у тебя «Мерседес-600» — ты «крутой» (как бы сильный, умный, талантливый) человек. Нет — «лох» (не умен, не талантлив и т. п.). В соответствии со строгой рыночной меркой (измерением человеческих качеств в деньгах) работающий в деревне учитель-энтузиаст в миллионы раз менее эффективен, чем нувориш, а любой олигарх в тысячи раз талантливее нобелевского лауреата. Так рынок переворачивает с ног на голову человеческие отношения, наводя мороки товарного и денежного фетишизма.

Замечу: у Плеханова есть лишь часть этой (возможно, несколько чрезмерно публицистизированно изложенной выше) «формулы». Акцент на том, что подчинение человека господствующим социально-экономическим формам отчуждения не только рождает фетиши (в частности, рыночный фетишизм), но и есть превратная форма бытия Человека как родового существа (Маркс, Лукач) у Плеханова отсутствует. Но для нас сейчас важно иное: акцент на том, что исторически-конкретное общественное бытие таки действительно определяет общественное сознание и, более того, тип личности.

Заставшие советские времена люди на протяжении пары десятилетий убедились в справедливости закона, в соответствии с которым иная общественно-экономическая система рождает иные ценности и мотивы, иной тип человека. Брачные контракты, когда от жены (мужа) ждут прежде всего делового партнерства в области получения и использования дохода и собственности, ожидание смерти родителей (чтобы, наконец, получить их наследство), отношение к детям как к выгодному вложению капитала с целью обеспечения старости — все это казалось бредом для большинства моих сограждан еще двадцать-тридцать лет назад, и все это стало нормой для большинства молодых (и не только) людей сейчас. Я не оцениваю эти изменения. Я только фиксирую: Маркс и его последователи были правы, когда показали, как и почему это происходит.

Впрочем, марксизм показал и другое, — то, что люди, включаясь в неотчужденные отношения сотворчества и солидарности, могут обретать другие интересы и ценности. Да, в СССР был ГУЛАГ. Но было и много чего другого. Были миллионы молодых людей, бредивших в 1960-е поэзией и космосом, физикой и открытием новых земель. Было нормальным полупрезрительное отношение к тем, для кого главное в жизни — деньги. Я и сейчас знаю (хотя бы по кругу моих личных товарищей) сотни людей, включенных в деятельность экологических организаций и профсоюзов, движение «Образование для всех» и правозащитные НПО, для которых главное в жизни — изменение к лучшему природы и общества в нашей стране, и не только. Это обычные люди. Но иная деятельность и иные отношения общения рожают у них другие — пострыночные ценности и мотивы...

Продолжим наши рассуждения.

Гораздо более известными, нежели тезисы об исторической ограниченности рынка, являются положения марксизма, говорящие о пределах капитала и частной собственности. Общеизвестно, что первый том «Капитала» заканчивается знаменитыми словами: «Бьет час капиталистической частной собственности... экспроприаторов экспроприируют». И действительно, марксисты подчеркивали, что суть их учения можно выразить двумя словами: «снятие частной собственности». Подчеркну: *снятие*. Не уничтожение. Русский перевод прошлого века не случайно искажил смысл марксовской идеи. Для Маркса — и в этом суть его диалектической методологии — любое общественное явление должно развить в полной мере свой прогрессивный потенциал и только тогда, исчерпав его, сняться

в новом отношении. Этот аспект диалектики (в частности, то, что капиталистические производственные отношения подводят капиталистические производительные силы к тому пределу, за которым лежит новое общество) раскрывает в своих работах по философии истории и Г. В. Плеханов.

При этом «снятие» для диалектика — это всегда отрицание с удержанием положительного. Сие азбука марксизма, который показал, где, почему, в каких отношениях и до какого предела частная собственность была, есть и будет прогрессивным общественным отношением; где и почему она должна быть снята, подвергнута позитивной критике.

Как же марксизм видел это снятие?

Анализ классического индустриального капитализма показал, что для него характерно обобществление производства. Не просто концентрация и специализация, но обобществление — сложный процесс роста взаимозависимости отдельных технологических комплексов, разворачивающийся по мере прогресса общественного разделения труда. Этот прогресс приводит к тому, что, выражаясь современным языком, нерегулируемый, стихийный рынок, основанный на индивидуальной частной собственности, становится мало эффективен. И это в полной мере подтвердилось сначала в процессе развития ассоциированной собственности акционерных предприятий, затем в формах монополистического капитала и т. д. Г. В. Плеханов и В. И. Ульянов показали эти тенденции и на примере Российской империи начала прошлого века, и здесь между ними не было большого различия (различие было в оценке меры развитости капиталистических тенденций в России и определении движущих сил буржуазных преобразований — но это другой вопрос, об этом ниже). Позже, уже после ухода Плеханова и Ленина, эти тенденции обрели вид государственного ограничения и регулирования рынка, вызванного к жизни Великой депрессией.

Еще позже стало практикой капитализма и ассоциирование собственности в виде передачи части акций работникам предприятий, развития кооперативов, государственного сектора. Памятуя о необходимости акцента на реактуализации классического марксизма, замечу: этот сектор в развитых капиталистических странах много больше, чем принято думать; традиционная статистика учитывает только государственные фирмы, чья доля в ВВП действительно невелика. Но в общественной собственности находятся в большинстве случаев наиболее ценные ресурсы современного мира: значительная часть недр,

природные заповедники, значительная часть земельного фонда, в том числе крайне дорогого городского, культурные ценности и информационные богатства, значительная часть учреждений культуры, образования и науки.

Последнее особенно важно: в общественной собственности сегодня находится едва ли не большая часть *наиболее близкой к будущему постиндустриальной экономики*, где занят преимущественно креативный класс. Если мы посмотрим на существующие ныне в развитых странах экономические модели и выберем наиболее близкую к идеалу меньшевиков и, в частности, Г. В. Плеханова, так называемую скандинавскую модель, то выяснится немало интересного*. Например, в Финляндии практически все школы и большая часть университетов, большая часть учреждений здравоохранения и спорта, культуры и фундаментальной науки — все это общественный сектор, работающий на некоммерческих, т. е. нерыночных принципах. Более того, в этих странах через прогрессивный подоходный налог и другие каналы до половины прибыли капитала перераспределяется в пользу наемных работников. Иными словами, в этих странах сделан целый ряд значимых шагов на пути к реализации той тенденции общественного развития, которую марксисты и, в частности, Плеханов выделили как возможный путь прогресса. При этом и Маркс, и его последователи не раз указывали, что на этом пути немало препятствий, что прогресс нелинеен и не идет сам по себе: там, где реализующие прогрессивные тенденции силы слабы, а реакционные мощны, он будет идти медленно или вообще превратится в регресс. Но возможна и обратная ситуация, и тогда общественный прогресс пойдет быстрее и эффективнее. Более того, эту тенденцию как *программу-минимум* приветствовал и Ленин, расходясь с правыми социал-демократами в оценке конечных целей и необходимости революционных преобразований.

Марксисты всегда подчеркивали, что в истории есть объективные законы. И эта мысль является едва ли не основной во

* Оговорюсь: автор этих строк никогда не считал «скандинавскую модель» идеалом реализации социалистических тенденций. На настоящий момент это «всего лишь» наиболее продвинутый по пути социализации вариант стратегически тупиковой траектории «заката» современного позднего капитализма». Подробнее об этом в наших с А. И. Колгановым книгах «Глобальный капитал» (М., 2004, 2007) и «Пределы капитала» (М., 2009).

всех работах Плеханова по социальной философии. Весь вопрос, однако, в том, как именно, когда, какой ценой и какими методами, сколь скоро они реализуются — все это зависит от творящих историю людей. И здесь Маркс и интерпретирующий его Плеханов расходились. Это расхождение в нашей книге справедливо подчеркивает Г. Г. Водолазов, и потому мне хотелось бы пойти дальше, сделать несколько иной акцент.

Так, с точки зрения Маркса, переход от натурального хозяйства, крепостничества, абсолютной монархии, сословного неравенства к рынку, наемному труду, демократии и соблюдению базовых прав человека есть историческая закономерность. Но он многократно писал и анализировал причины, по которым этот переход в одних странах произошел быстро, эффективно и еще в XVI в., а в других не завершен и пятьсот лет спустя. Почему Англия заплатила за переход к капиталистической системе ценой огораживания, «кровавого законодательства», революций и войн; США — ценой войны против той же Англии за право строить капитализм, а не быть колонией, плюс гражданской войной Севера и Юга (самой кровопролитной в XIX в.) плюс рабством на половине своей территории... И тем не менее это был для того времени прогрессивный «американский» путь развития капитализма. Но был еще и прусский. Есть и российский (мы к капитализму до конца не можем перейти даже в новом веке; впрочем, по мнению автора и его многочисленных коллег, Россия к капитализму уже давно опоздала).

А еще путь к капитализму — это колониализм. И Первая мировая война, и Вторая мировая война, которую Германия (напомню: ее экономика была основанной на частной собственности) начала против других капиталистических стран — Польши, Франции и Англии и т. д., а не только против СССР..

Вернемся, однако, к проблеме пределов частной собственности и ее пределов.

Сказанное выше о скандинавской модели и других ограничениях частной собственности и капитала в современном мире не снимает, однако, главного вопроса: почему капитализм и лежащая в его основе частная собственность до сих пор живы и, несмотря на все кризисы, не собираются «сниматься»?

Для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к тем вопросам, которые и сам Маркс, и его последователи считали принципиально значимыми: к проблеме диалектического метода вообще и диалектики производительных сил и производственных отношений, в частности.

«Закат капитализма» и актуальность Плеханова

Выше мы постарались показать, что классическая марксистская теория и многие аспекты ее интерпретации Плехановым были и остаются истинными как теория индустриальной капиталистической общественно-экономической системы периода ее «классики».

Однако для нас важна прежде всего не верность букве текстов Маркса и не анализ того, насколько точно эту «букву» интерпретировал в своих текстах Плеханов: эту проблему мы оставим историкам марксизма. Для автора этого текста наиболее значимо другое. А именно то, что в точном соответствии не только с методологией, но и с теорией марксизма мы можем и должны сказать: *в той мере, в какой капиталистическая общественная система изменилась по сравнению с теми ее параметрами, которые исследовал Маркс, — в этой мере теоретические положения классического марксизма должны быть «неверны»*. Точнее так: открытые Марксом законы должны в этой мере или не действовать или действовать по-другому. В полной мере это относится и к творчеству Плеханова, который практически полностью в своих работах оставался в рамках проблемного поля исследования классической капиталистической системы и ее генезиса.

Сегодняшний капитализм, сохраняя определенные «родовые черты» этого способа производства и системы отношений социального отчуждения в целом, значительно изменил многие их параметры и формы. В современном мире, где развивается глобальная интеграция национальных рынков в мировую экономическую систему, пронизанную новыми противоречиями; где началась постиндустриальная (информационная, человеческая и т. п.) революция; где реальностью стали монополии и антимонопольная политика; государственное регулирование и социальные трансферты, соизмеримые с едва ли не третью валового национального продукта, — в этом мире в точном соответствии с методологией Маркса законы классического индустриального капитализма не должны и не могут действовать в том виде, в каком они описаны в «Капитале».

То же можно сказать и о других закономерностях, открытых и обоснованных Марксом в «Капитале». И рост обобществления производства, и закон-тенденция нормы прибыли к понижению, и ряд других подвергаемых ныне критике закономер-

ностей строго выводятся Марксом из некоторых предпосылок. Среди них важнейшие — действие законов стоимости (классический вид которого предполагает свободную, «совершенную» конкуренцию), закона прибавочной стоимости (классическое действие которого предполагает реальное подчинение труда капиталу и несовместимо с участием рабочих в управлении, прибылях, собственности, не говоря уже о прямом перераспределении части прибавочной стоимости в пользу трудящихся через такие механизмы, как прогрессивный подоходный налог, и мн. др.) и рост органического строения капитала.

Последняя предпосылка особенно важна. Как мы уже отметили выше, Маркс исследовал капитализм, развивавшийся на базе индустриальных производительных сил, для которых как раз и был характерен относительно более быстрый рост массы применяемого «мертвого» (овещененного в машинах, сырье и т. п.) труда по сравнению с живым трудом. Попутно подчеркнем: у Маркса везде речь идет не о стоимостном, а об органическом строении капитала. Для последнего стоимостные измерители не адекватны; оно предполагает учет только таких изменений стоимостного строения, которые обусловлены изменениями технического строения, т. е. предполагают элиминирование процессов удешевления постоянного капитала и удорожания переменного. Так же и характерные для ряда десятилетий XX в. процессы снижения социальной дифференциации не отменяли закона относительного обнищания пролетариата, а предполагали действие других мощных процессов, вызвавших к жизни значительное перераспределение доходов от класса буржуазии к классу наемных рабочих.

Но это не главное. Главное в другом: переход к качественно иным технологиям, предполагающим человеческую, информационную и т. п. революции, рост значения творческой деятельности, «человеческих качеств» и т. п., естественно, привели к принципиальным изменениям не только в динамике, но и в природе и постоянного, и переменного капитала. Все это в строгом соответствии с марксовой методологией диалектического единства производительных сил и производственных отношений *должно* было вызвать существенные изменения всех базовых закономерностей капитала как производственного отношения. Это и произошло в реальности, подтверждая, а не опровергая правоту марксистской теории. Эта связка совершенно банальна, и ее многократно в том или ином виде воспроизводили десятки марксистов XX в., а ваш покорный слуга изучал ее в курсе

политэкономии на первых курсах МГУ еще в начале 1970-х гг. И тогда любому студенту, пытавшемуся ничтоже сумняшеся утверждать, что в условиях капитализма второй половины XX в. закономерности, показанные в «Капитале», действуют в чистом виде, ставили без всяких колебаний «неудовлетворительно» за полное непонимание теории и метода Маркса.

В марксизме еще в XX в. стало общим местом то, что *рубеж XIX–XX вв. ознаменовался переходом капиталистической общественно-экономической системы в новую фазу — фазу самоотрицания, «подрыва» своих собственных основ.* «Классическое» состояние капитализма в развитых странах завершилось более столетия назад, сменившись длительной фазой *«заката»* — развития в недрах этой системы ростков нового качества общественно-экономической жизни (один из крупнейших марксистов Запада середины XX в. Эрнест Мандел назвал эту стадию «поздним капитализмом»^{*}).

Опять-таки в строгом соответствии с закономерностями «заката» исторически конкретной системы этот процесс начался с привнесения в старую систему ростков новой, но в подчиненном, адаптированном для нужд старого (господствующего) строя виде. (Замечу: эту закономерность едва ли не первым открыл В. И. Ульянов, показав закономерности подрыва товарного производства и генезиса элементов монополистической планомерности, но не отразил сколько-нибудь подробно Г. В. Плеханов.)

Это «вливание крови молодых девушек» (ростков социализма) в тело стареющего капитализма происходило и происходит на протяжении вот уже более столетия. Процесс этот идет неравномерно, то усиливаясь (как, например, в 60-е гг. XX в.), то ослабляясь (как в последние десятилетия), но до конца он не исчезает и не исчезнет. К числу этих ростков нового ученые-марксисты еще столетие назад отнесли многочисленные формы сознательного регулирования рынка со стороны как крупнейших корпораций, так и государства; многочисленные формы частичного перераспределения доходов и социального регулирования; продвижения к бесплатному обеспечению граждан базовыми общественными благами (образование, здравоохранение, культура и т. п.). Добавим к этому развитие таких ростков «царства свободы», как мощная активность социальных движе-

* См.: Mandel E. Late Capitalism. L.; N.Y., 1987.

ний и неправительственных организаций; наличие на протяжении всех этих десятилетий стран, стремившихся так или иначе развивать некапиталистические общественно-экономические отношения и т. п., — и мы получим *мир, в котором закономерности классического капитализма просто не могут и не должны действовать в прежнем виде (а какие-то не могут и не должны действовать вообще)*.

Наиболее прозрачной эта связь становится, если мы посмотрим на мир информации и знаний. Здесь принципиальное изменение материальной, технологической основы бытия — превращение главного ресурса и результата деятельности в *технологически* неограниченное и непотребляемое культурное благо (информационный продукт, например правило $2+2=4$ или компьютерную программу Линокса, может использовать неограниченно широкий круг лиц; она не потребляется, не становится «меньше» в процессе использования...) — рождает новые потенции общественного развития. С технологической точки зрения в мире культуры (в том числе — информационных продуктов, но прежде всего в мире образования, науки, искусства и т. д.) может господствовать всеобщий непосредственно-общественный труд (К. Маркс) и *собственность каждого на все* (В. Межуев). И это едва ли не наиболее актуальный аспект проблемы *снятия частной собственности в современном мире*.

И еще одно следствие сказанного выше: там и тогда, где когда законы Маркса оказываются адекватны для понимания реальности, мы можем говорить, что это общество, близкое по уровню развития к классическому индустриальному капитализму, подобному капитализму Великобритании позапрошлого века. И это не только теоретическая абстракция — это реалии для ряда стран в нынешнюю эпоху. Это, например, в значительной мере можно сказать о России эпохи «шоковой терапии», о многих секторах бедных стран третьего мира и т. п.

А теперь о том аспекте диалектики производительных сил и производственных отношений, который читатель не найдет ни у Плеханова, ни в стандартных учебниках марксизма, но пример которого дает «Капитал» Маркса. Речь идет о *критическом* восстановлении классического марксистского положения о *диалектическом взаимодействии* производительных сил и производственных отношений, позволяющее снять ортодоксально-однозначную формулу о том, что уровень развития производительных сил детерминирует тип производственных отношений и

показать, где, как и в какой мере в истории «работает» прямая, а где и как обратная детерминация. В частности, мы хотели бы подчеркнуть, что не только производительные силы, развиваясь, требуют рождения новых производственных отношений, но и то, что *развитие производительных сил в рамках одной и той же формации происходит вследствие противоречий господствующей системы производственных отношений*. Это развитие предполагает в том числе и их существенные изменения, например переход от простой кооперации и мануфактуры к индустрии, от формального к реальному подчинению труда, описанный еще в «Капитале». Этот переход акцентировали еще в начале XX в. такие российские марксисты, как Плеханов и Ульянов, раскрывавшие в полемике с народниками прогрессивную миссию капитализма, наиболее ярко себя проявляющую именно в стимулировании развития производительных сил.

Но это не более чем реактуализация классики, на базе которой можно сделать ряд менее известных выводов.

Существенно, что каждая исторически конкретная система производственных отношений (1) способствует большему или меньшему (это, в частности, один из аспектов оценки меры их прогрессивности) стимулированию прогресса производительности труда и (2) создает свои *особые формы прогресса производительных сил**. Эта же исторически конкретная система производственных отношений (3) задает границы и пределы характерного для данного способа производства прогресса производительных сил. Впрочем, это тоже не более чем мало акцентированные элементы классического марксизма.

Ключевым же вопросом *современного* развития в этом проблемном поле становится вопрос *форм, потенциала и границ прогресса постиндустриальных технологий и решения глобальных проблем в рамках и при помощи системы производственных отношений позднего капитализма*.

* Отсюда вытекает хорошо известное следствие: рынок и капитал как ключевые элементы системы производственных отношений капитализма стимулируют прежде всего рост вещного богатства и утилитарного потребления. Природа, наука, искусство и т. п. ключевые компоненты прогресса ими рассматриваются как бесплатное и потому подлежащее максимальной эксплуатации средство обогащения, а не как универсальная ценность экономической деятельности.

И здесь мы доказываем, что этот новый тип производительных сил (и глобальные проблемы, с ним связанные) исчерпывает потенциал прогресса в рамках не только капитализма, но и всей экономической общественной формации («царства необходимости», предыстории), создавая возможность и необходимость перехода к новому типу общественного развития («царству свободы»).

Эта постановка есть шаг вперед по сравнению с плехановским наследием, и сделали этот шаг во многом независимо друг от друга критически мыслявшие советские и западные марксисты 1960-х гг. Раскрытие этого положения применительно к реалиям нового века является весьма сложным и тонким моментом и его конспективное изложение представляет большие трудности. Здесь, однако, есть одно существенно облегчающее нашу работу обстоятельство: современные теоретические разработки и даже практические лозунги новых социальных движений в значительной степени уже нащупали эти пределы, при этом, правда, далеко не всегда методологически и теоретически их концептуализируя в логике критического марксизма, подчас оставляя их на уровне политических, нравственных или абстрактно-философских императивов.

Между тем здесь возможны достаточно четкие постановки, показывающие, как и какие именно пределы эволюции «царства необходимости», а не только позднего капитализма мы сегодня наблюдаем.

Во-первых, неадекватность существующих корпоративно-капиталистических и бюрократически-государственных форм задачам общедоступного и свободного развития главного «ресурса» развития общества, основанного на знаниях — культурных благ (природы, знаний, человеческих качеств), выраженная в лозунге «Мир — не товар» и требованиях перехода к всеобщей собственности — собственности каждого индивида на все культурные блага, включая природу как культурную ценность (пример такой собственности хорошо известен — «собственность» каждого на любые ценности любой публичной библиотеки). И это не абстрактный императив, а следствие необходимости снятия противоречия между новым источником развития (культурой) и частной собственностью (преимущественно — собственностью глобального капитала) на этот ресурс.

Во-вторых, неадекватность форм наемного труда и так называемого человеческого капитала задачам развития главной производительной силы нового мира — творчески деятельного

человека. Подобно личной зависимости, сдерживавшей прогресс индустрии, форма капитала сдерживает развитие сотворчества как свободного диалога неотчужденных индивидов. Пока это противоречие разрешается за счет форм «креативных корпораций», «человеческого» и «социального» капитала и т. п., подобно тому, как первоначальный прогресс производительных сил капитала развивался в формах крепостных фабрик, откупов или плантационного рабства. Но это не более чем исторически и логически ограниченные переходные формы.

В-третьих, это абсолютные экологические и ресурсные ограничения, задающие пределы развития утилитарно ориентированного развития, порождаемого тотальностью рынка, превратившего в товар практически все виды материальных благ, заканчивающего поглощение разнообразных видов социальной деятельности (образование, искусство, наука, здравоохранение...). Глобальная гегемония корпоративного капитала пытается активно преодолевать эти пределы за счет симулятивного производства симулятивных благ для симулятивного потребления, но это порождает лишь новое противоречие. *Опережающее развитие мира симулякров по отношению к миру человеческих качеств есть одно из наиболее очевидных проявлений противоречия между господствующей ныне системой отношений глобальной гегемонии корпоративного капитала и прогрессом креативного потенциала человечества как важнейшей глобальной производительной силой.* Это вместе с тем и одно из наиболее ярких свидетельств того, что прогресс производительных сил позднего капитализма идет по стратегически-тупиковой траектории*.

Временное снятие эти противоречия находят в рамках существующей системы именно вследствие тех закономерностей

* В качестве краткого пояснения замечу, что к кругу симулякров ныне принадлежат не только феномены «сбрендившей» экономики и иные феномены, прекрасно описанные Бодрийяром и его коллегами, но и опережающий рост виртуальных форм фиктивного финансового капитала, ускоряющееся производство вооружений, в том числе таких катастрофически опасных, как оружие массового уничтожения, экспансия симулятивно-гламурной «культуры» и мн. др. Добавлю к этому общеизвестные (но нами выводимые из анализа противоречий именно глобального капитала) противоречия таких антагонистов, как пресыщение на одном полюсе и бедность — на другом, а также экологические пределы рынка и капитала.

инволюции систем на этапе их заката, о которых мы говорили выше — за счет нелинейного, идущего по известной формуле «шаг вперед — два шага назад» включения в недра рынка и капитала элементов новой, не только посткапиталистической, но и пострыночной, более того, постэкономической по своей сути системы отношений будущего. Это и социально-экологические нормативы, устанавливаемые и охраняемые гражданским обществом при помощи государства, и неуничтожимые до конца формы бесплатного общедоступного образования и здравоохранения, и перераспределение во многих странах государством и другими институтами от одной трети до половины ВВП по нерыночным критериям и т. п. переходные формы. Полвека назад они прогрессировали. Сегодня мы наблюдаем их регресс. Но таким и должен быть нелинейный процесс *эво-* и *инволюции* переходных форм в условиях «заката» позднего капитализма и «царства необходимости».

Все эти акценты позволяют нам сделать важный для понимания различий той версии классического марксизма, которая была характерна для конца XIX — начала XX в., во многом именно плехановской версии, и того, каким стал выросший из классики марксизм в конце XX — начале XXI в., вывод: если первый вырос на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия *капитализма*, то второй (и в частности, постсоветская школа критического марксизма) вырастает на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия *мира отчуждения* («царства необходимости») в целом*.

Капитализм постиндустриальной эпохи как вызов классическому марксизму

Безусловно, многие десятилетия, прошедшие после смерти Маркса и развивавшего его тезисы Плеханова показали, что многие их положения требуют не только развития как устаревшие, но и прямой критики.

* Следует отметить, что эта постановка проблемы содержится и в работах самого К. Маркса (особенно его экономико-философских и экономических рукописях), и в работах ряда его последователей в XX в.

Что касается развития, то открытым остается вопрос, насколько десятки сильных и талантливых работ марксистов XX и начала нынешнего века (как отечественных, так и зарубежных), раскрывающих природу современного «позднего» капитализма, могут служить своего рода «Капиталом XX века»... эту тему в этом тексте мы рассматривать не будем, ибо об этом автор не раз писал в своих упомянутых выше работах.

Что же касается критики, то здесь пока что без ответа остался сформулированный выше важнейший вопрос криков классического марксизма: почему капитализм перешел в новую, постиндустриальную, «постклассическую» стадию, а не был сменен новым обществом, необходимость которого, на первый взгляд, классический марксизм выводил из противоречий именно классического индустриального капитализма?

Этот вопрос действительно принципиален и не имеет готового простого ответа.

Начну с того, что идея социалистической революции, осуществляемой классом индустриальных наемных рабочих, — это не столько классический марксизм, сколько его сталинская версия, растиражированная в учебниках 30—50-х гг. прошлого века. Ни у самого Маркса, ни у Плеханова, ни у Ленина таких утверждений не было. Классический марксизм действительно доказывал, что индустриальный капитализм создает необходимые предпосылки для социалистической революции и что ее субъектом является класс наемных рабочих. Но во всех работах классиков и их грамотных последователей многократно подчеркивалось, что эта потенция превращается в действительность только тогда, когда складываются все необходимые социально-политические предпосылки.

Впрочем, для нас сейчас этот аспект является не самым главным. Важнее другое. На мой взгляд (и здесь я не оригинален), *и Маркс, и Плеханов, и Ленин действительно были неправы в той мере, в какой размышляли не только о возможности, но и о необходимости социалистической революции как продукта классического индустриального капитализма.*

Развитие методологии марксизма, особенно *диалектики* перехода от одной социально-экономической системы к другой, предполагает использование ряда сугубо марксистских, но не развитых самим Марксом, подходов, показывающих, почему утверждение о *неизбежности* социалистической революции в условиях индустриального капитализма неправомерно. Иными

словами, в этом вопросе марксистская методология и теория может и должна быть использована для конструктивной критики некоторых поспешных выводов Маркса.

Начну с подтвержденного опытом последнего столетия и достаточно известного (но часто «забываемого» критиками марксизма) тезиса о том, что смена социально-экономических систем осуществляется не как одномоментный акт скачка от одного развитого целого к другому развитому целому, а как длительный процесс заката одной системы и генезиса другой. Этот процесс длителен (занимает исторические периоды, большие, чем собственно зрелое, «классическое» состояние) и сугубо нелинеен. На протяжении всего этого периода перехода возможны и необходимы революции и контрреволюции, реформы и контрреформы. В рамках старой системы образуются переходные формы, включающие ростки нового качества общественного развития; в рамках возникающей новой обязательно сохраняются значимые элементы старой. При этом господствующими в обоих случаях становятся не «чистые», а переходные отношения и формы...

Эта диалектика перехода у самого Маркса «прописана» слабо, есть лишь некоторые наброски, свидетельствующие о том, что Маркс видел эту проблему. Зато в работах марксистов XX в. и последнего десятилетия об этом сказано немало. И не только сказано, но и доказано. И эти доказательства позволяют считать обоснованным вывод о том, что *марксистская теория способна объяснить те многочисленные зигзаги, которыми полна история последнего столетия*. Но для этого надо вместе с марксистами последнего столетия пойти дальше Маркса и учесть все многообразие явлений периода нелинейной трансформации одной системы в другую.

Далее. Для анализа процесса рождения нового общества, называвшегося Марксом коммунизмом, по-видимому, можно и должно применить (естественно, критически) методологию исследования генезиса капитала, примененную самим Марксом. В частности, методологию перехода от формального к реальному подчинению труда капиталу. Эта методология представлена, в частности, исследованием развития капитала от форм простой кооперации к мануфактуре и фабрике. На первых стадиях генезиса капитал развивается на технологическом базисе, характерном для предшествующей системы (феодализма) — на базе ручного труда — и остается в этом случае неустойчивым, относительно легко уступающим место реставрационным про-

цессам, образованием. На базе ручного труда, мануфактурных технологий капитализм может как выиграть у феодализма (что произошло, например, в XVI в. в Нидерландах), а может и проиграть (как это произошло примерно в то же время в итальянских городах-государствах). Здесь подчинение труда капиталу если и возникает, то остается неустойчивым, формальным (созданным лишь формой — производственными отношениями), но не имеющим достаточного технологического базиса. Лишь на базе машинного производства, индустриальных технологий капитализм побеждает окончательно (но тоже не везде и не сразу: вспомним хотя бы пример крепостных фабрик в России, да и всю нашу историю полуфеодального полукапитализма позапрошлого века — века развитых индустриальных капиталистических экономик Запада).

Итак, на базе технологий (и прежде всего содержания труда), характерных для прежней системы (ручной труд для докапиталистических систем, индустриальный — для капитализма), новая система (соответственно капитализм или социализм) может возникнуть, а может и не возникнуть. Революционный порыв может привести к победе, а может — к поражению. В случае победы начнется развитие новой системы на еще не адекватном для нее технологическом базисе, возникнет феномен, который я бы назвал «опережающей мутацией». Это ситуация, когда общественные отношения несколько «забегают вперед» по отношению к материальному базису, содержанию труда. Если в этих условиях социальные силы созидания нового общества окажутся достаточно мощны, то новые отношения смогут обеспечить технологическую революцию, и это закрепит победу нового строя. Если нет — опережающая мутация завершится регрессом и вырождением попыток создания нового общества. Для удобства дальнейшего анализа назовем «ранней» революцию, совершающуюся в условиях развитого (но не «позднего», «закатного») состояния старой системы и на базе адекватного для старой системы, но недостаточного для окончательной победы нового уровня развития ее материально-технических предпосылок.

Парадоксом при этом является то (и это очень спорная гипотеза автора, которую он выносит на обсуждение, не будучи сам в ней до конца уверен), что *для совершения ранней революции, совершаемой на стадии зрелого состояния «старой» системы, социально-политические предпосылки складываются легче и полнее, чем в условиях «заката» послед-*

ней. При этом, однако, материально-технические и социально-экономические предпосылки ранней революции оказываются развиты слабее.

Причин для этой амбивалентности несколько.

Во-первых, противоречия старой системы в ее зрелом состоянии максимально «чисты», социальное противостояние обнажено. Система еще не породила внутри себя массу переходных отношений и «компенсаторов», смягчающих общественные конфликты.

В то же время «классическое» состояние системы еще не порождает новых общественных сил, способных формировать новые отношения. Как известно, буржуазную революцию совершали преимущественно не крепостные, а социальные силы, возникшие на обломках крепостничества — лично свободные представили «третьего сословия». Точно так же можно предположить (и это прямая критика классического марксизма), что главным субъектом социалистических преобразований должен стать новый субъект, вырастающий как продукт снятия экономической зависимости работника (наемного характера труда). Сейчас можно предположить, что это будут представители «креативного класса», не подчиненные непосредственно капиталу (укажу в качестве примера на значительную часть учителей, социальных работников и т. п. субъектов по преимуществу творческой деятельности, занятых в бюджетной сфере и проявляющих в последние десятилетия очень большую социальную активность). Последнее снимает тезис классического марксизма (в том числе Плеханова) о революционной роли именно индустриального пролетариата применительно к новым условиям развития капитализма, но оставляет открытым вопрос о его сохраняющейся актуальности для индустриальных обществ, кои отнюдь не исчезли и в нынешнем веке.

Во-вторых, в рамках «классической» системы еще не сформировалась типичная для периода «заката» совокупность таких переходных отношений, которые «уводят» общественное развитие в сторону от «красной нити» исторического процесса. Переходные формы предотвращают (на более или менее долгое время) взрыв старой системы, создают некий «отводной канал», пространство для исторических зигзагов, порождая в конечном итоге тупиковые, но временно полезные для старой системы квазиновые общественные отношения. В результате вместо социализации производства и собственности разворачивается глобальная гегемония корпоративного капитала; вместо сво-

бодного труда — формы «народного капитализма» и социального партнерства; вместо ассоциированного планирования — частичное, во многом бюрократическое и потому малоэффективное государственное регулирование; вместо свободного и гармоничного развития личности — общество потребления (а теперь уже и пресыщения), совмещающееся с миллиардной нищетой. Эти переходные формы, намеренно повторю этот тезис, уводят развитие в сторону от дороги рождения качественно нового общества, создавая пространства «обходов», в которых вполне могут развиваться и технологии, и благосостояние...

В то же время эти переходные отношения создают определенные социально-экономические и общественно-политические предпосылки для нового строя. Так, формирование гигантских акционерных обществ создает предпосылки для социализации, государственное регулирование — для демократического планирования, социальное партнерство — для освобождения труда и т. п.

В-третьих, период «заката» общественно-экономических систем рождает специфические, приспособленные к задачам выживания и развития прежней системы, пути развития технологий, прежде всего — труда. Так, объективно создаваемая развитием индустрии необходимость перехода к преимущественно творческой деятельности в условиях позднего капитализма оборачивается приоритетным развитием того, что я условно назвал «превратным сектором». В самом деле, для последних десятилетий характерно наиболее быстрое развитие таких сфер, как финансы, государственное и корпоративное управление, масс-культура и СМИ, военно-промышленный комплекс и т. п., где по преимуществу создаются продукты, мало способствующие прогрессу производительности труда и человеческих качеств. Вместо приоритета воспитателей и учителей, врачей и экологов, ученых и художников поздний капитализм формирует приоритеты финансистов и брокеров, охранников и моделей, звезд шоу-бизнеса и рантье...

Кстати, в условиях позднего феодализма также формируется своеобразный превратный сектор — сфера производства непроизводительных предметов роскоши, огромная «сфера услуг» (растущие полчища слуг), непомерные военные расходы и т. п.

Кроме технологических зигзагов закатные траектории порождают и зигзаги социальные. В обществах, где застаивается старая система, господствующими становятся ценности

и стимулы, характерные для «закатного» типа личности с его отторжением парадигм социального творчества (да и вообще прогресса), ориентацией на ценности превратного сектора, а не социальное обновление. В результате складываются мощные общественные противовесы интенциям рождения нового общества.

Тем самым *перед социальной революцией в поздних системах встает особая задача: вывести технологическое и социальное развитие из того тупика, в который его заводит процесс заката прежней системы.* Если же революция совершается в обществе, где эти тупиковые траектории еще не господствуют, то задачи движения к новому обществу упрощаются...

Однако этот параметр так же амбивалентен, как и два предыдущих. Уводя социальный и технологический прогресс в сторону, переживающая закат система тем не менее развивает производительные силы, повышает производительность труда и в этом смысле продвигает нас к новому обществу.

В результате сказанного мы приходим к не слишком очевидному и несколько парадоксальному с точки зрения классического марксизма (но в нынешнем веке отнюдь не оригинальному) выводу: *для успешной социалистической революции в идеале (который на практике, естественно, никогда в полной мере не достигим) необходимы следующие условия:*

1) высокий уровень производительности труда и технологического развития, достаточный для хотя бы формального освобождения труда, при относительно слабом развитии превращенных форм этого прогресса (превратного сектора);

2) развитие социальных сил освобождения, стоящих «по ту сторону» классического пролетариата при сохранении «прозрачности» социального противостояния и относительно слабом влиянии превратных ценностей и стимулов;

3) формирование относительно «чистых», адекватных задачам саморазвития нового общества форм переходных отношений.

Иными словами, к социализму лучшего всего было бы идти в стране, где еще нет переразвитого «общества пресыщения», но уже есть высокий, не меньший, чем в сегодняшних развитых странах, потенциал технологического и социального прогресса плюс налицо (само)организованный субъект общественного обновления, переполняемый социально-творческой энергией.

В реальной истории все много сложнее. Так, в Российской империи начала XX в. предпосылки первого блока были развиты крайне слабо даже по меркам индустриального капитализма, и на это справедливо указывали все критики большевиков и, в частности, Плеханов. Однако в результате ее внутренних противоречий, крайне обостренных Первой мировой войной, были налицо предпосылки второго блока, да и то в крайне странном виде — в виде симбиоза нескольких миллионов солдат, матросов и рабочих, готовых отдать свои жизни ради снятия неимоверно тяжелых противоречий России 1917 г., и нескольких сотен тысяч (само)организованных большевиков и их союзников, действительно способных с сознательному социальному творчеству. В результате предпосылки первого и третьего блоков в нашей стране создавались ценой максимального напряжения нетехнологических и неэкономических факторов: массового насилия и массового энтузиазма. Неизбежное исчерпание к 1970-м гг. потенциала социального творчества вызвало неизбежный крах этой опережающей мутации.

Что касается современного состояния мира, то автор видит только один, да и только несколько фантастический вариант комбинации условий, наиболее благоприятных для социалистической революции. Это некая система, в которой значимую роль играют люди занятые хотя бы отчасти социально-творческой деятельностью, в незначительной мере подчиненные стандартам общества пресыщения; для которых, однако, характерен достаточно высокий (близкий к среднему для развитых стран) уровень благосостояния и производительности; где налицо достаточная сильная тенденция самоорганизации и слабо развито подчинение труда капиталу; где труд осуществляется преимущественно не в превратном секторе, а господствующими социальными институтами являются не формы, типичные для позднего капитализма (корпоративный капитал), а иные, более адекватные для решения задач (формального) освобождения труда (формы, характерные для «экономики солидарности», «демократии участия»...). Эта система должна, однако, оставаться под внешней властью капитала, ибо иначе это будет уже готовый социализм.

На первый взгляд, системы, для которой были бы характерны хотя бы в значительной мере названные выше черты, нет и быть не может. И это действительно так, если мы говорим о некоторой *стране*. Однако современный мир — это мир глобализации, а не национальных государств. И потому мы можем

поставить вопрос по-другому: а нет ли в современном мире такого субъекта глобальных процессов, который был бы близок по своим основным параметрам к названной выше модели?

На этот вопрос ответ найти уже несколько легче. Внимательный исследователь, знакомый с альтернативами современного мира, его уже, по-видимому, увидел: это сети новых социальных движений и неправительственных организаций. Для них и их членов в основном характерны названные выше черты, но они по-прежнему живут и действуют в мире, подчиненном глобальному капиталу. Именно против него они и могут совершить социальную революцию. Только это будет не столько национальная революция в виде штурма нового Зимнего дворца или Казарм Монкада, в которых засели силы капитала, сколько *глобальная революция против правил тотальной гегемонии капитала*.

Естественно, это уже значительный отход (надеемся — вперед) от классического марксизма. Но, повторю, было бы странно ожидать от марксиста того, чтобы он считал возможным видеть и тем более осуществлять социальные преобразования по модели позапрошлого века...

Загадка СССР, или Еще раз об ограниченности плехановского взгляда на диалектику исторического развития

Вернемся к проблеме, поставленной в начале этого раздела: почему же развитие в XX в. пошло не по Марксу и Плеханову, а отчасти по Ленину, да и то с «плохим концом»? Почему социалистические революции совершились не в наиболее развитых странах, а там, где совершились, породили не только определенные достижения, но и монстров наподобие ГУЛАГа, в конечном итоге закончившись крахом порожденных ими систем? Почему господствующей стала траектория самореформирования капитализма?

Ключ к ответу на один из этих вопросов — а именно о причинах вырождения российской революции — на первый взгляд, дает именно творчество Плеханова. Следуя букве марксова учения Георгий Валентинович справедливо указал на то, что для постбуржуазного развития в России нет достаточных материальных предпосылок. Исходя из закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил

в Советском Союзе после Гражданской войны могла сложиться только смешанная экономика, причем главными ее слагаемыми могли стать по преимуществу добуржуазные уклады. Соответственно, главные задачи, которые необходимо было решать в ее развитии, были задачами буржуазными: индустриализация, урбанизация, преодоление неграмотности и т. д.

Именно этот акцент делают и сегодня многие из ученых-марксистов, чьи работы вольно или невольно опираются на наследие Г. В. Плеханова. В России в данном случае следует обратиться прежде всего к книгам и статьям М. И. Воейкова*, доказывающего, что революция в России была буржуазной, да и возникшая на ее базе советская система носила в основном буржуазный характер. За рубежом эта позиция типична для ряда теоретиков троцкизма, в частности Т. Клиффа и ряда других авторов.

Для ученых, считающих «советский эксперимент» случайным зигзагом, «ошибкой истории», этот вопрос, на первый взгляд, вообще неинтересен. Но при внимательном рассмотрении и им приходится считаться с тем, что и в нынешнем веке в среднеразвитых странах постоянно возникают интенции социалистической ориентации, а фукуямовское объявление «конца истории» вследствие окончательного торжества либерально-капиталистической модели после мирового экономического кризиса вызывает все меньший энтузиазм, и даже в Давосе все чаще слышатся голоса о кризисе капитализма.

Так в чем же здесь дело?

Ответ на поставленный выше вопрос я уже отчасти дал выше. Карл Маркс и не выходящий далеко за рамки некоторых основных работ этого автора марксизм (в том числе — плехановский) были и остаются ограничены исследованием преимущественно классического состояния капитализма. И это ни в коем случае не их вина. В силу исторической специфики они не могли принять во внимание всей многосложной диалектики заката и рождения систем, сложностей их нелинейной трансформации (оговорюсь: ряд предпосылок такого анализа, в частности раз-

* Воейков М. И. Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина. М., 2009; критика этой позиции дана, в частности, в текстах А. И. Колганова и Б. Ф. Славина в коллективной монографии «Ленин on line. 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине» (М., 2011).

работка проблемы формального и реального подчинения труда капиталу, в работах Маркса, но не Плеханова, есть).

Однако этого мало. Главный новый параметр, привнесенный XX в., — это осознание того, что действительная проблема социального обновления последнего столетия (если не более) — это не столько переход от капитализма к социализму (коммунизму как посткапиталистическому способу производства), сколько гораздо более масштабный переход — переход от «царства необходимости» к «царству свободы», от метасистемы обществ, основанных на отчуждении и приоритетном развитии материального производства*, к пространству и времени социального развития, лежащего «по ту сторону» отчуждения и собственно материального производства.

Это, по мнению автора, ключевое отличие современного марксизма (и большинства других социально-освободительных теорий XX—XXI вв.) от марксизма классического.

Для себя этот тезис (в гораздо более примитивной формулировке) автор впервые открыл более тридцати лет назад, заканчивая первый курс МГУ. Буквально через несколько дней я обратился к Марксу и с радостью обнаружил, что это одно из ключевых положений, четко сформулированных как самим Марксом**, так и его сподвижником Энгельсом***. Несколько позднее я с еще большей радостью обнаружил эти тезисы в работах своих учителей — марксистов-«шестидесятников» СССР. Получив доступ к зарубежным «диссидентским» изданиям, я (и уже без удивления — странно было бы думать, что западный марксизм не развивает этих идей) нашел и там богатый материал по этой проблематике.

* Начиная с середины XX в. объективная необходимость и возможность развития «по ту сторону» собственно материального производства стала пробивать себе дорогу и в условиях «позднего» капитализма. Однако в силу господства глобальной гегемонии капитала и тотального рынка она обрела превратные формы, уведя эволюцию в сторону от тенденции прогресса человеческих качеств и открыв простор для развития различного рода симулякров (от финансовых деривативов до масс-культурного и гламурного «производства») и приведя к опережающему развитию превратного (или попросту бесполезного) сектора экономики. Подробнее об этом см. в упоминавшейся книге Бузгалина и Колганова «Глобальный капитал».

** См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 386—387.

*** См.: там же. Т. 20. С. 295.

Так вот, именно этот «нюанс» (проблема перехода «по ту сторону» материального производства, проблема глобальной трансформации всей «предыстории»), в большинстве случаев игнорировавшийся в марксистских текстах XX в. (но, повторю, не самим Марксом и не творческим марксизмом), и позволяет объяснить большую часть специфических для начавшейся около столетия назад эпохи *глобальных проблем*.

Самим Марксом эта проблематика была только намечена, а ортодоксальным марксизмом не акцентирована. Как следствие, антимарксизм, знакомый по преимуществу только с самыми примитивными версиями критикуемой им теории, сделал вывод об еще одном провале марксизма.

Самое смешное, что в некотором, крайне ограниченном смысле эта критика была правомерна: классический марксизм действительно основной акцент делал на исследовании развитого капиталистического способа производства, его социально-классовых противоречий, предпосылок и движущих сил его снятия. Исследование того проблемного поля, которое выдвинулось на первый план в XX в., в работах Маркса и Энгельса было лишь намечено. Зато в XX в. оно не случайно оказалось в центре внимания практически всех основных течений творческого марксизма и — шире — демократической социалистической мысли. Берусь утверждать, что именно *глобальная проблема нелинейного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы» стала генетически-всеобщей основой большинства специфических новых разработок марксизма XX—XXI вв.*

Лишь несколько мозаичных иллюстраций к этому тезису.

Проблемное поле А. Грамши — темы гегемонии (категория, характеризующая одну из основных форм отчуждения и одновременно потенциал его снятия), проблемы роли интеллигенции и культуры, идеи свободной добровольной ассоциации — все это проблематика, существенно выходящая за традиционные рамки исследования капитала и пролетариата. Но в работах этого мыслителя тема глобального скачка к новому качеству общественного бытия, снимающего всю предысторию, только намечается.

Исследования Г. Лукача, особенно его работы по истории классового сознания и феноменологии общественного бытия, прямо выводят нас на проблемы отчуждения во всем многообразии его видов, характерных для «царства необходимости», а не только капитализма. Будущее общество все более позицио-

нируется именно как снятие *всей* предыстории, что позволяет ученому сделать целый ряд интереснейших следствий для теории социализма, но это уже другая тема. Существенно, однако, что эта линия затем была активно развита в работах как советских (М. Лифшиц, Э. Ильенков и др.), так и западных ученых (И. Мессарош, Б. Олман и др.). Косвенным ответвлением этого направления стали ученые, близкие к школе «Праксис» (также акцентировавшие недостаточность исследований в рамках проблемного поля классического марксизма).

Тематика Франкфуртской школы непосредственно слабо пересекалась с рассматриваемыми нами фундаментальными социальными проблемами, но в своих гуманистических, освободительных интенциях они неявно тяготели к явно более широкому, нежели сугубо классовому, взгляду на проблему освобождения человека и общества. Впрочем, эти интенции вкупе с постепенным отказом от диалектики и переходом к анализу «коммуникативных» аспектов бытия увели их в сторону от проблем социальной эмансипации...

В отличие от них Ж.-П. Сартр и подавляющее большинство его последователей из круга марксистов проблемы гуманизма и свободы (причем свободы позитивной, не «свободы от», а свободы деятельного совместного преобразования мира) сделали непосредственным центром исследования. Они четко переместили акцент на проблематику принципиально более глобальную, нежели исследование собственно классического капитализма. Сходную тенденцию выразили и другие гуманистические направления в социальной философии и психологии (один из наиболее ярких примеров здесь — Э. Фромм). Интереснейшие работы по проблемам свободы, гуманизма, отчуждения появились в 1960—1970-е гг. в СССР, Польше, Венгрии, ГДР и др. странах мировой социалистической системы.

Вообще, поставив в центр внимания проблемы человека и свободы, творческий марксизм середины XX в. по сути дела (хотя и не всегда осознавая это теоретико-методологически) перенес акцент с экономико-политических вопросов анатомии капитализма и его кризиса на иные проблемы. Проблематика социальной эмансипации Человека и Природы стала центральной для левых теоретиков с этого периода, породив широчайший спектр взаимопересечений гуманизма и социализма.

Поставив в центр внимания всю совокупность параметров, угнетающих и порабащающих человека, марксизм смог адекватно ответить на вызовы основных глобальных проблем, этим

угнетением рожденных. Так в круг внимания исследователей левого спектра оказались включены проблемы эмансипации женщин (левый феминизм), расового неравенства, взаимодействия «центра» и «периферии», миграции и мн. др.

Другой крупнейшей подвижкой стало привнесение в марксизм и теорию социализма экологической проблематики. И хотя постановка задачи «натурализации человека и гуманизации природы» относится еще к рукописям Маркса 1844 г., свою действительную актуальность этот блок проблем обрел лишь во второй половине XX в. Для этого были как мощнейшие эмпирические основания (обострение экологических проблем и превращение их в глобальные), так и теоретические предпосылки. О последних несколько слов особо. Тема скачка «по ту сторону собственно материального производства» в качестве одной из главнейших своих проблем не случайно выдвигает принципиальное изменение отношения общества и природы: последняя в процессе движения из «царства необходимости» в «царство свободы» должна превратиться из прежде всего предмета труда (ресурса материального производства) в прежде всего культурную ценность (биосфера как самоценное условие воспроизводства человеческой личности и общества в целом). Так в повестку дня альтернативного теоретического мышления вошел экосоциализм и различные вариации на темы решения проблем не просто сохранения, но возрождения Природы.

Подчеркну: подавляющее большинство теоретиков левого спектра, работающих над проблемами феминизма, экологии и т. п., как правило, не акцентируют или даже не осознают содержательной связи их исследований с глобальным контекстом грандиозной трансформации, начало которой мы все переживаем вот уже столетие. Нелинейно и крайне противоречиво начавшийся скачок из «царства необходимости» в «царство свободы», а не только закат капитализма — вот глубинная основа и объективных, онтологических проблем снятия всех видов отчуждения Человека, Природы, Общества и гносеологического акцента на этой проблематике.

Естественной реакцией большинства «традиционалистских» марксистских теоретиков на произошедшие в XX в. теоретические сдвиги стала критика акцента на глобальной гуманистически-социоэкологической проблематике. Она вновь (как и во времена брежневизма) стала рассматриваться как едва ли не предательство интересов классовой борьбы наемных рабочих и ревизионизм.

В этой критике, заметим, есть и доля правды: проблемное поле трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» не может и не должно полностью вытеснить «традиционных» марксистских вопросов исследования анатомии позднего капитализма, его заката, сил и путей формирования посткапиталистической общественной системы (социализма). Так перед марксизмом нового века встает целая серия задач, среди которых первоочередными, на мой взгляд, являются следующие. Во-первых, реабилитация во всей его полноте вопроса о глобальной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» как генетически-всеобщего основания всех проблем эмансипации Человека, Общества и Природы. Во-вторых, проблемы содержательного исследования природы, противоречий и путей снятия позднего капитализма. В-третьих, соединение этих двух проблемных областей в рамках единой теоретической парадигмы. В-четвертых, конструктивная критика узкого прагматизма и постмодернизма как по большому счету тупиковых методологий. Подчеркну: единственно возможной позитивной основой для такой критики станет дальнейшее развитие марксистской методологии, превращающееся для левых теоретиков в одну из задач первостепенной важности.

P. S. Так чем же ценен плехановский марксизм в XXI в.?

Подводя итоги данного текста, я хотел бы от осмысления критических оценок классического марксизма вообще и Г. В. Плеханова, в частности, перейти к вопросу о его актуальности для нашего времени. Коротко суммирую сказанное выше.

Во-первых, классический марксизм и, в частности, разработки Г. В. Плеханова справедливо показали, что даже индустриальный капитализм создает основания для социалистических революций. Парижская коммуна; революции в Российской империи, Германии, Венгрии и т. д. в начале XX в.; победа социалистических сил в Восточной Европе, на Кубе, во Вьетнаме, в Чили и т. п. в середине XX в.; попытки социалистического строительства в Венесуэле и ряде других стран Латинской Америки в начале нынешнего, XXI в.; наличие некоторых социалистических элементов в общественном строе Китая... — все это, несмотря на поражения, нельзя считать случайностью. Ну а то, что продукты этих первых ранних революций оказались крайне

противоречивыми, следует считать скорее закономерностью, чем случайностью.

Другое дело, что, во-вторых, классический марксизм не предвидел и не мог предвидеть всей сложности, нелинейности, длительности и противоречивости трансформационных процессов, всей диалектики заката капиталистической системы. Но первые шаги, восполняющие этот пробел классики, уже сделаны марксизмом XX—XXI вв.

В-третьих, в классическом марксизме был сделан, хотя и поневоле малоразвит, акцентуруемый ныне вывод о переходе не только от капитализма к новому обществу, но от всей эпохи отчуждения к эпохе социального освобождения как главном содержании переживаемых человечеством трансформаций. Эта глобальность перехода поставила вопрос реформирования и/или революционного преобразования капитализма в контекст гораздо более масштабной проблемы принципиального решения системы глобальных проблем отчуждения Человека, Общества и Природы.

Наконец, подчеркну: *открытые Марксом и его сподвижниками, раскрытые и дополнительно аргументированные Плехановым законы классического капитализма остаются актуальны в той мере, в какой нынешняя система сохраняет как свою генетическую основу основные черты капитализма. А она их сохраняет: экономика остается рыночной и более того, растет рыночный фундаментализм; труд по преимуществу является наемным, а капитал стремится к максимизации прибыли; социальное неравенство в мире не снижается...* Другое дело, что эти законы сняты и дополнены новыми закономерностями, характерными для позднего, переходного к постиндустриальному капитализма и эпохи заката «царства необходимости», эпохи глобальных проблем.